

Глава четвертая

«НАСТУПЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА»
В ДЕРЕВНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РЕПРЕССИИ УСИЛИВАЮТСЯ (1932–
1933 гг.)

**§ 1. Антикрестьянская налоговая
и заготовительная политика**

К началу 1932 г. в колхозах состояло более половины крестьянских хозяйств. Однако задача форсирования коллективизации не была снята. Более того, в связи с массовым выходом крестьян из колхозов в первой половине 1932 г. ввиду неустроенности колхозов, слабого их экономического положения проблема темпов коллективизации обострилась. В целом по СССР количество коллективизированных крестьянских хозяйств сократилась на 500 тыс., причем в РСФСР уровень коллективизации понизился почти на 3%, а в отдельных районах еще больше. На Северном Кавказе, например, на 11%, Средней и Нижней Волге – на 5-5,5%, в ЦЧО – на 5%, Московской области – на 5-6% и т.д.¹

И.М.Варейкис в письме И.В.Сталину и Л.М.Кагановичу писал: «Подача заявлений о выходе из колхозов происходит коллективно и сопровождается... самочинным разбором лошадей, колхозного инвентаря и продуктивного скота». Объясняется это, по его мнению, слабостью колхозов, грубыми перегибами в колхозном строительстве местных работников (обобществление усадеб колхозников в Кромском и Дмитриевском районах ЦЧО, неправильные расчеты с колхозниками), а также «кулацкой агитацией». «Поэтому, – писал Варейкис, – мне кажется, что следовало бы вернуться к предыдущему решению ЦК с выселением в период между весенним севом и уборкой, некоторой части кулацких элементов из колхозов»².

Таким образом, вновь ставился вопрос о проведении репрессивных мер для сохранения достигнутого уровня коллективизации.

В Белоруссии весной 1932 г. распалось более тысячи колхозов и ЦК КП(б) Белоруссии вынужден был принять специальное постановление «О выходах из колхозов и о порядке проведения уборки и распределения урожая в колхозах»³. Такое же положение было во многих районах страны. Не кулацкая агитация против колхозов, хотя и она имела место, сыграла решающую роль в массовых выходах из колхозов в первой половине 1932 г., а реальное положение дел в колхозах.

Насильственная коллективизация привела к падению сельскохозяйственного производства. Валовой сбор зерна в 1931 г., несмотря на некоторый рост посевных площадей, снизился как по сравнению с 1913 годом, так и с доколхозным 1928 г. Урожайность, даже завышенная в официальных документах, была на 25% ниже дореволюционной. Еще болезненней сказалась принудительная коллективизация на животноводстве. поголовье скота в 1929–1931 гг. сократилось более чем в 1,6 раза, причем овец и коз в 2 раза, крупного рогатого скота и свиней – в полтора раза, лошадей – в 1,3 раза⁴. Падение поголовья скота продолжалось в 1932 г. и даже в 1933 г.

Материальное положение колхозников – бывших середняков – ухудшилось, а бывших бедняков не улучшилось. Это не могло не дискредитировать колхозы. Между тем Сталин, как уже отмечалось, падение сельскохозяйственного производства в годы сплошной коллективизации выдавал за некоторую закономерность «реорганизационного периода», а резкое снижение поголовья скота объяснял кулацкой агитацией за убой скота и ликвидацией «крупно-кулацких элементов», являвшихся наиболее крупными владельцами скота. На самом же деле вынужденный убой скота крестьянами был спровоцирован административными мерами по обобществлению в колхозах всего скота, не исключая и мелкого продуктивного.

Практика принудительного обобществления скота продолжалась и в 1931–1932 гг. В немалой степени этому способствовало принятое 30 июля 1931 г. постановление ЦК ВКП(б) и

СНК СССР «О развертывании социалистического животноводства», которое предусматривало создание животноводческих ферм в колхозах⁵. В нем давались контрольные цифры по организации ферм и определялись источники пополнения общественного стада. В частности, предлагалось Наркомснабу передавать (продавать) для колхозных ферм скот из числа поступившего по мясозаготовкам. Колхозцентр должен был организовать покупку у колхозников молодняка для общественного животноводства колхозов.

К чему это привело говорят следующие факты. В начале августа 1931 г. крайком партии Казахстана дал установку форсировать коллективизацию в кочевых и полукочевых районах, а основной формой колхоза определил сельхозартель. На основе этой и других директив в 60 районах Казахстана почти 90% ТОЗов было переведено на устав артели. Скот стал обобществляться в принудительном порядке, что привело к массовому убою и распродаже его. Часть скота было угнано за границу. Обобществленный же скот из-за отсутствия приспособленных помещений и корма погибал.

Насилие при обобществлении скота применялось во многих районах СССР (Киргизия, Таджикистан, Калмыкия, Северный край, Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ, Сибирь и другие). О том, что это было массовым явлением свидетельствуют не только многочисленные сообщения с мест, но и постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота»⁶.

Несколько слов об истории этого документа. В связи с массовым недовольством крестьян принудительным обобществлением скота и многочисленными жалобами с мест Политбюро создало комиссию во главе с М.М.Калининым для подготовки проекта постановления ЦК. 26 марта комиссия представила Сталину проект постановления, подписанный Калинин, Кагановичем и Яковлевым. Проект был отредактирован Сталиным и утвержден Политбюро. Однако при редактировании Сталин исключил из проекта ряд пунктов, имевших принципиальное значение. Так, в проекте, наряду с осуждением принудительного обобществления скота, предусматривались конкретные меры по оказанию помощи колхозникам, не имеющим скота и птицы, в приобретении его за счет колхозных ферм и инкубаторских станций. Для этого рекомендовалось уже в 1932 г. выделить до 25% их приплода (телят, поросят, цыплят). «При проведении посева кормовых культур, силосной и сенокосной кампаний, – говорилось в проекте, – колхоз должен предусматривать обеспечение кормами не только стада колхозных ферм, но и скота, находящегося в собственности колхозников». Вычеркнул Сталин также и пункт о том, что «указанные мероприятия имеют своей задачей не только улучшение материального положения колхозника, но и всемерное расширение поголовья путем выращивания всего молодняка колхозников». В этих целях колхоз заключает с каждым колхозником договор, по которому колхоз берет на себя обязательство снабжать колхозника необходимыми кормами в счет трудодней, а колхозник берет на себя обязательство выращивать свой молодняк до определенного колхозом возраста⁷.

Неудивительно, что практическое значение мартовского постановления ЦК оказалось ограниченным: осуждалось принудительное обобществление скота колхозами, но не прекращались принудительные изъятия скота в порядке государственных заготовок; никаких мер, обеспечивающих реальную возможность содержать скот на личном подворье колхозников, принято не было. Наглядное представление о том, какое положение было в деревне в связи с политикой мясозаготовок дают, в частности, письма члена ЦК ВКП(б) В.Г.Фейгина Г.К.Орджоникидзе от 9 апреля и М.А.Шолохова И.В.Сталину от 20 апреля 1932 г.

В письме В.Г.Фейгина сообщалось, что в обследованных им селах Барабинского района Западной Сибири только 20-30% колхозников имеют коров, остальные – бескоровные. Местные работники считают, что совхозы и товарные фермы колхозов сумеют уже в текущем году обеспечить страну животноводческой продукцией «и выражают мысль, что с частным хозяйством колхозника вообще надо покончить». Поэтому, считал Фейгин, нужно принять меры к тому, чтобы «росло частное хозяйство колхозника в его животноводческой части, иначе нет выхода из того периодического дефицита в продуктах, который мы имеем сейчас».

«Настроение чрезвычайно скверное в связи с голодом и с тем, что изымают последних коров по контрактации – в итоге чего колхозник не имеет ни хлеба, ни молока. Все это я видел собственными глазами и не преувеличиваю. Люди голодают, питаются суррогатами, обессиливают и, естественно, настроены при этих условиях далеко недоброжелательно. Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец по контрактации, я давно уже не видел. О фактах, подтверждающих это, сообщу при встрече. По приезде в Москву попытаюсь попасть к Сталину и об этом сообщить ему или же, если он не сумеет урвать время, напишу ему письмо... Мне кажется, что совершенно необходимо, чтобы этим делом занялся Сталин»⁸.

Однако Сталин не принял Фейгина, и на письмо с приложением медицинских заключений о голодных смертях не ответил.

Еще более резким было письмо Шолохова Сталину. План мясозаготовок по Вешенскому району Северного Кавказа, писал Шолохов, был таким, что для его выполнения нужно было сдать больше половины имевшихся у крестьян коров и почти 90% овец и коз, включая и обобществленных в колхозах. После этого останется одна корова на 5-6 дворов и одна овца (или коза) на 10 дворов.

«В конце первого квартала по району началась интенсивная покупка (заготовка) скота, – сообщал писатель Сталину. – И с первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запирают в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13629 хозяйств на 1 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях селькомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило человек 7-8-12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову.

По хуторам происходила форменная война – сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а там, где ввязывались, там дело кончалось убийством»⁹.

Планы мясозаготовок, которые исходили сверху, были настолько высокими, что колхозники не только не могли приобрести в колхозе или совхозе молодняк скота, но и лишались последней коровы или овцы, если они были. Постановление ЦК от 26 марта 1932 г. существовало только на бумаге, никто с ним не считался, поэтому Шолохов писал Сталину: «Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно. И если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, а райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор.

Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам».

Сталин 6 мая 1932 г. разослал это письмо «для сведения» членам и кандидатам Политбюро, секретарю ЦК Постышеву и председателю ЦКК ВКП(б) Рудзутак¹⁰. Но положение не изменилось. Непосильные мясозаготовки продолжались и не только на Северном Кавказе.

В спецсводке ОГПУ о ходе мясозаготовок по Западно-Сибирскому краю от 25 августа 1932 г. сообщалось, что план на апрель-июнь составлял 165,5 тыс. ц, в том числе по крестьянским хозяйствам – 156,5 тыс. (95%), с большим трудом выполнен. На 3-й квартал (июль-сентябрь) был увеличен до 205,2 тыс. ц. На 15 августа, т.е. за полтора месяца он был выполнен на одну треть.

По неполным данным, за четыре с половиной месяца (апрель – середина августа) в связи с мясозаготовками произошло 12 массовых выступлений, в которых принял участие 748 человек. В Боготольском районе, в с. Барнаринке, во время «снятия скота» крестьяне оказали

сопротивление. Прибывшая в село судебная бригада арестовала 8 человек, в том числе бедняков и середняков, и приступила к изъятию скота. Один из крестьян при изъятии у него скота нанес вилами ранение милиционеру «под одобрение и крики толпы свыше 150 человек»¹¹.

Крестьянин-бедняк Г.Осинца (с. Чистоозерное Чановского района Западно-Сибирского края) прямо заявил: «Соввласть совсем ограбила: коров забрали, лошадь тоже взяли на посевную кампанию в колхоз. Это разве власть? При старом правительстве так не делали и не относились к крестьянину с недоверием»¹².

Даже у красных партизан Сибири отбирался скот в счет мясозаготовок или по контрактации. Так, в с. Успенка Нижне-Ангарского района у четырех партизан были произведены обыски, в результате чего изъят весь скот и зерно. В Закаменском районе в колхозе «Труженик» у бывшего партизана Попова за несдачу молока по контрактации отобрана последняя корова. Один из партизан (Западная Сибирь), выражая недовольство антикрестьянской политикой Советской власти, говорил: «Завоевали мы себе свободу, – век бы такой свободы не было и не захотели бы ее. Я хотя партизан, но ненавижу эту Соввласть. Она нам, крестьянам, не нужна, мы, красные партизаны, не за это воевали, а добивались себе свободы, чтобы жить можно было легче и никто ничего у нас не брал. А это что? Отбирают последнюю корову у мужика и партизан. Настоящая грабилька»¹³.

Нажим на крестьян усиливался, а поскольку планы мясозаготовок были не просто напряженные, но нереальные, то к этому делу, как и по другим кампаниям, привлекались органы ОГПУ. Показательна в этом отношении телеграмма ПП ОГПУ по Западной Сибири Алексеева (того самого, что был в 1930 г. в ЦЧО), разосланная 20 декабря 1932 г. начальникам райотделений и райуполномоченным ОГПУ. Приводим ее полностью:

«Вашем районе исключительно слабо выполняется план скотозаготовок. Бесспорно, что отставание является следствием контрреволюционного кулацкого саботажа, также контрреволюционной деятельности кулацкого и прочего контрреволюционного элемента. Несмотря на это, вы плохо сигнализируете о конкретных причинах отставания скотозаготовок, не принимаете решительных оперативных мер в отношении контрреволюционных агитаторов против скотозаготовок. Сигнализация носит общий, не конкретный характер. Очевидно, вы не мобилизовали внимание аппарата, также агентуры на эту работу. В документах по скотозаготовкам совершенно не отражаются ваши мероприятия, направленные к усилению скотозаготовок.

Предлагаю немедленно мобилизовать внимание аппарата, также агентуры на выявление конкретных причин отставания скотозаготовок и вскрытие контрреволюционного саботажа, выявление контрреволюционных агитаторов против скотозаготовок. Немедленно произвести (с санкции оперсекторов) изъятие контрреволюционных элементов, агитирующих против скотозаготовок.

На основе проверенных материалов вопрос отставания скотозаготовок ставьте на бюро РК, добивайтесь принятия практических мер для усиления скотозаготовок. Предупреждаю, что вы отвечаете за выполнение скотозаготовок наравне с партруководством. Не позднее 26.12 донесите конкретные причины отставания скотозаготовок и ваших мероприятиях, также мероприятиях райорганизации спецдокладной запиской»¹⁴.

Такая политика мясозаготовок привела к еще большему сокращению поголовья животноводства в 1932 г. По сравнению с 1931 г. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 7,2 млн. голов, овец и коз – на 15,6 млн, свиней – на 2,8 млн. и лошадей – на 6,6 млн. голов¹⁵.

В отчете Наркомзема Казахстана о мероприятиях по оседанию кочевого и полукочевого населения от 31 декабря 1932 г. прямо отмечалось, что постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «в большинстве районов не было выполнено. Местные организации под видом оставления колхозных товарных ферм принудительно обобществленных коров, овец, коз не вернули колхозникам. Безусловно, это также усугубило сокращение поголовья и увеличило откочевки казахских хозяйств...»¹⁶.

Еще более напряженно, чем мясозаготовки, проходили хлебозаготовки 1931/32 и 1932/33 гг. И еще в больших масштабах применялись репрессии к крестьянам (колхозам, колхозникам и единоличникам) в ходе хлебозаготовок.

Валовые сборы зерна в 1931–1932 гг., даже по официальным данным, были значительно ниже не только по сравнению с более благоприятным 1930 г., но и с 1928 г. Между тем доля хлебозаготовок возросла. Так, если в 1928 г. она составляла 14,7% валового сбора, в 1929 г. – 22,4, в 1930 г. – 26,5, то в 1931 г. – 32,9, а в 1932 г. – 36,9%.

Зарубежные исследователи, анализируя официальные данные о валовых сборах зерна в 1931–1932 гг., пришли к выводу, что они завышены, поскольку уже в те годы стал определяться не реальный (амбарный) сбор зерна, а видовая (биологическая) урожайность. Исходя из нее, устанавливались и планы хлебозаготовок. Фактический же валовый сбор был намного ниже биологической урожайности. М.Таугер (США), например, на основании анализа объективных причин снижения валового сбора зерновых в 1932 г. (засуха в ряде районов, распространение болезней растений и пр.) пришел к выводу, что система биологических урожаев завышала истинный урожай не менее, чем на 20%¹⁷. Это значит, что валовый сбор 1932 г. составлял примерно 550 млн. ц. К такому же выводу пришли С.Уиткрофт (Австралия), Р.Дэвис и Дж.Купер (Англия)¹⁸. Это подтверждается и некоторыми данными официальной статистики. В сборнике «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г.» приводятся сведения о том, что в 1932 г. было заготовлено 187750,6 тыс. ц зерна, или 36,9% валового сбора. Значит, общий объем валового сбора в 1932 г. составил 508,8 млн. ц, а не 689,7 млн, как утверждал Сталин на XVII партийном съезде, эта цифра и утвердилась в литературе.

Но даже собранного в 1932 г. хлеба хватило бы, чтобы избежать такого страшного массового голода, каким он был в 1932/33 г., если бы хлебозаготовительная политика проводилась иначе.

Еще в апреле 1930 г. были установлены нормы сдачи зерна колхозами в размере от 1/4 до 1/3 валового сбора в основных зерновых районах и примерно 1/8 – в остальных районах. Фактически изымалось значительно больше. Так, на Украине в 1930 г. было изъято 30,2% валового сбора зерна, а в 1931 г. – 41,3, на Северном Кавказе соответственно – 34,2 и 38,3, на Нижней Волге – 41,0 и 40,3, в Крыму – 32,7 и 41,7, на Средней Волге – 38,6 и 32,3, в Западной Сибири – 26,5 и 29,3, в Казахстане – 33,1 и 39,5%. В среднем по этим же районам в 1930 г. процент изъятия составлял 31,5, а в 1931 г. – 37,0. В целом же по всем зерновым районам СССР в 1930 г. было изъято 28,2%, в 1931 г. – 32,4%. Даже в потребляющих районах изымался хлеб: в Московской области в 1930 г. – 14,4%, в 1931 г. – 20,0, Нижегородском крае – 10,5 и 14,8. Ленинградской области – 8,8 и 9,9, Иваново-Вознесенской – 7,4 и 10,0%¹⁹.

Из материалов, хранящихся в бывшем кремлевском Архиве Политбюро ЦК КПСС, видно, что средняя урожайность зерновых за пять предшествующих лет (до 1932 г.) сократилась почти на 30% – с 53,4 пуд. с гектара в 1927 г. до 38,4 пуд. в 1931 г. По отдельным районам СССР это выглядит так (в пуд. с га) (табл. 25).

Таблица 25

Районы	Годы				
	1927	1928	1929	1930	1931
Украина	70,0	46,3	60,8	57,3	51,9
Средняя Волга	34,8	50,2	35,6	38,9	22,0
Нижняя Волга	32,9	47,9	38,0	37,2	22,6
Северный Кавказ	41,1	51,7	50,1	42,7	45,1
ЦЧО	62,0	52,6	61,9	61,9	47,6
Урал	51,2	66,5	43,2	52,1	18,3
Казахстан	32,3	60,3	34,2	37,6	27,5
Белоруссия	45,6	49,8	54,2	51,9	40,9
ЗСФСР	51,2	59,8	56,6	64,7	51,9
Средняя Азия	56,2	46,8	52,5	38,4	н/св.
В целом по СССР	53,4	53,4	48,7	48,2	38,4

Как видно из таблицы, за 1927–1931 гг. по всем районам произошло заметное снижение урожайности, за исключением только Закавказья и Северного Кавказа. Особенно резкое падение урожайности, а значит и валового сбора зерна наблюдалось на Урале. Не случайно поэтому, что здесь, как и в Западной Сибири, зимой-весной 1932 г. начался голод.

Между тем заготовки хлеба росли из года в год. Рассмотрим данные за три года (1929/30 – 1931/32 гг.) (табл. 26).

Фактические заготовки зерна (без совхозов и возврата семенной ссуды) – млн. пуд.

Таблица 26

Районы	Годы			Прирост в % к 1929/30
	1929/30	1930/31	1931/32	
Северный Кавказ	103,3	128,8	161,5	56,3
Нижняя Волга	65,5	84,9	73,0	6,6
Крым	9,3	7,0	12,7	36,6
Украина	303,9	436,7	415,4	36,7
Средняя Азия	20,8	22,7	25,5	22,6
Закавказье	5,7	7,7	5,6	-1,8
Южные районы	511,5	687,8	693,7	35,6
ЦЧО	106,0	114,1	136,4	28,7
Средняя Волга	46,6	72,3	68,1	46,1
Татария	15,7	16,4	32,7	108,3
Центральные районы	168,3	202,8	237,2	40,9
Казахстан	37,8	40,7	40,4	6,9
Урал	42,4	74,0	44,4	4,7
Башкирия	15,3	35,6	27,5	79,7
Сибирь	76,7	101,2	91,5	19,3
Восточные районы	172,2	251,5	203,8	18,4
Северный край	2,6	3,1	3,6	38,5
Ленинградская обл.	4,7	5,5	6,3	34,0
Западная обл.	10,0	13,6	11,5	15,0
Московская обл.	25,6	27,3	37,2	45,3
Иваново-Вознесенская обл.	5,3	5,3	6,6	24,5
Нижегородский край	15,9	26,4	35,4	122,6
Дальневосточный край	17,3	6,0	8,9	-48,5
Белоруссия	10,4	10,9	9,2	-11,5
Потребляющие районы	91,8	98,7	118,7	29,3
Всего по СССР	943,8	1240,8	1253,4	32,8

Источник: Бывш. Архив Политбюро ЦК КПСС.

Тем не менее А.И.Микоян в записке И.В.Сталину предложил повысить в 1932 г. процент изъятия хлеба для зерновых районов до 30-40, в том числе для колхозов, обслуживающих МТС – до 35-45. Несмотря на снижение валовых сборов зерна в 1931–1932 гг. планы заготовок росли: на Украине в 1932 г. заготовлено зерна (без совхозов) на 36,7% больше, чем в 1930 г., на Севером Кавказе – на 56,3, на Средней Волге – на 46,0, в ЦЧО – на 28,75%. В целом по СССР было заготовлено на 32,8% больше, чем в 1930 г.²⁰

Разумеется, потребность в зерне и другой сельхозпродукции с каждым годом росла. Нужда в них была огромная, особенно если учесть, что численность городского населения за четыре года, к 1932 г., выросла на 12,4 млн. человек, не говоря уже о возросших потребностях промышленности в сельскохозяйственном сырье. Но для того чтобы увеличить производство зерна, необходимо было материально заинтересовать крестьян. Это мало волновало Сталина и его ближайшее окружение. На практике почти весь хлеб, произведенный крестьянами (колхозами и единоличниками), изымался в счет хлебозаготовок.

В январе 1932 г. Сталин и Молотов в телеграмме С.В.Косиору, членам Политбюро ЦК ВК(б) Украины и членам Политбюро ЦК ВКП(б) решительно потребовали безусловного выполнения планов хлебозаготовок: «Положение с хлебозаготовками на Украине считаем

тревожным. На основании имеющихся в ЦК ВКП(б) данных, работники Украины стихийно ориентируются на невыполнение плана на 70-80 млн. пудов. Такую перспективу считаем неприемлемой и нетерпимой.

Считаем позором, что Украина в этом году при более высоком уровне коллективизации и большем количестве совхозов заготовила на 1 января сего года на 20 млн. пудов меньше, чем в прошлом году. Кто тут виноват: высший уровень коллективизации или низший уровень руководства делом заготовок?

Считаем необходимым Ваш немедленный приезд в Харьков (в то время столица Украины. – *Авт.*) и взятие Вами в собственные руки всего дела хлебозаготовок. План должен быть выполнен полностью и безусловно. Решение Пленума ЦК ВКП(б) должно быть выполнено»²¹.

Из телеграммы видно, что Сталин и Молотов хлебозаготовки ставили в непосредственную связь с коллективизацией.

Ссылаясь на высказывания В.И.Ленина о необходимости учитывать материальную заинтересованность крестьян, Сталин на практике игнорировал это указание, что проявилось, в частности, и при планировании хлебозаготовок.

В январе 1932 г. председатель Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ) Я.Э.Рудзутак в записке Сталину предлагал в числе других вопросов колхозного строительства (улучшение организации труда, внедрение сдельщины, создание постоянных бригад в колхозах) пересмотреть систему планирования хлебозаготовок. «Планы, – писал Рудзутак, – надо давать в начале хозяйственного года, чтобы колхоз имел возможность планировать продажу на рынке части продукции после выполнения государственного задания. По некоторым продуктам (фрукты, овощи и др.) – централизованные планы свести до минимума».

Об этом уже говорилось в шифровке Косиора Сталину (15 марта 1932 г.). Он предлагал: «Объявить от имени союзных организаций о порядке хлебозаготовок из будущего урожая, исходя из того, что, чем большего урожая добьется колхоз и колхозник, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление». Однако Политбюро ЦК 16 марта отклонило это предложение²².

Между тем в то время полным ходом шла конфискация хлеба у крестьян. Так, бригада «Правды» еще 10 февраля направила Сталину, Кагановичу, Постышеву письмо о хлебозаготовках в Молдавии. В письме сообщалось, что в ходе хлебозаготовительной кампании производятся повальные обыски у колхозников и единоличников и в случае обнаружения зерна крестьянина объявляют «твердозаданцем» и забирают у него все имущество. Имеются случаи избияния крестьян (иногда с увечьем), производятся незаконные аресты и т.д. В результате этого крестьяне бегут за границу, особенно из пограничных районов с Румынией. Сталин разослал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) Украины «для сведения». Правда, Политбюро ЦК КП(б) Украины 29 февраля 1932 г. приняло специальное постановление о перегибах в Молдавии, в котором подчеркивалось, что эти перегибы «являются обратной стороной правооппортунистических настроений в партийном руководстве хлебозаготовительной кампанией». ЦК ВК(б)У объявил выговор бюро Молдавского обкома партии, строгий выговор бывшему секретарю обкома Ильину, председателю СНК Молдавии Дмитриу и председателю ЦИК АМССР Вороновичу; предложил немедленно устроить несколько показательных процессов»²³.

18 июня 1932 г. Сталин писал из Сочи Кагановичу и Молотову (для членов Политбюро ЦК) о том, что хотя ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о некотором сокращении плана хлебозаготовок, но до села сниженный план доводить не надо: необходимо использовать разницу между первоначальным планом, который должны выполнить места, и сокращенным планом «исключительно для стимулирования посевной работы». Сталин вынужден был признать, что главная ошибка хлебозаготовительной кампании 1931 г., особенно на Украине и Урале, – в том, что план хлебозаготовок был разверстан по районам и колхозам «механически без учета положения в каждом отдельном колхозе». «В результате этого... получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд

урожайных районов оказался в состоянии разорения и голода,* а на Урале обком лишил себя возможности оказать помощь неурожайным районам за счет урожайных районов области».

Что же предлагал Сталин, чтобы не «повторять ошибок истекшего года»? Он предложил... «допустить надбавку к плану в 4-5%, чтобы создать тем самым возможность перекрытия неизбежных ошибок в учете и выполнить самый план во что бы то ни стало».

В связи с тяжелым продовольственным положением в ряде районов Украины 17 июня 1932 г. Политбюро ЦК КП(б)У послало телеграмму в ЦК ВКП(б) Кагановичу и Молотову: «Чубарь по поручению ЦК КП(б)У возбудил ходатайство об отпуске Украине продовольственной помощи находящимся в тяжелом положении районам. Настоятельно просил сверх отпущенных для обработки свеклы, а также дополнительной продовольственной помощи 220 тысяч еще 600 тысяч пудов».

29 июня Сталин и Молотов от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР направили на Украину (как и в другие районы) телеграмму, в которой говорилось: «Никакие уклонения от выполнения установленного... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количества, так и сроков сдачи зерна»²⁴.

Для обсуждения вопросов хлебозаготовительной кампании 1932 г. Сталин предложил созвать не позднее 26-27 июня совещание секретарей партийных организаций и председателей исполкомов Советов (Совнаркомов) Украины, Северного Кавказа, ЦЧО, Нижней и Средней Волги, Урала, Казахстана, Западной Сибири, а также Белоруссии, Московской, Западной областей, Нижегородского края, Татарии, Башкирии «по вопросам организации хлебозаготовок и безусловному выполнению плана хлебозаготовок»²⁵. На основе письма Сталина и совещания 7 июля 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации хлебозаготовительной кампании 1932 г.»

Находясь на отдыхе в Сочи, Сталин вновь возвращается к хлебозаготовкам и 24 июля в письме Кагановичу и Молотову подтверждает свою установку «на безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР». Однако, учитывая особое положение Украины, он считает, что «придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т.п.»²⁶ Но план был настолько нереальный, что даже после некоторого снижения его не смогли выполнить.

Не довольствуясь прямым поступлением зерна по хлебозаготовкам, Сталин 15 августа в телеграмме Кагановичу из Сочи выражает недовольство тем, что государство «тратит сотни миллионов рублей на организацию МТС для обслуживания колхозов, а оно все еще не знает, сколько же платит ему крестьянство за услуги МТС». Поэтому он предлагает выяснить, убыточны ли МТС или прибыльны, «сколько хлеба и других продуктов получает государство от колхозов за работу МТС». «Без этого МТС из государственных предприятий, отсчитывающихся перед государством, превратятся в богадельни или в средство для систематического обмана государства. Нельзя допустить, чтобы МТС работали бесконтрольно»²⁷.

Одним словом, Сталин стремился любыми путями выкачать хлеб (как, впрочем, и деньги) из деревни.

Нажим на крестьян начал проводиться сразу же в ходе уборки урожая. Однако колхозники и в особенности единоличники заняли выжидательную позицию, не спешили сдавать хлеб. Б.П.Шеболдаев и И.Н.Пивоваров (Северный Кавказ) 14 августа 1932 г. сообщали Кагановичу, что, «несмотря на массовую работу по хлебозаготовкам, в единоличном секторе встречаются большое сопротивление и прямой отказ от выполнения плана». Поэтому он просил ЦК санкционировать следующие меры:

- а) проводить совместный обмолот с единоличниками под контролем Совета;
- б) лишать невыполняющих план права покупки промышленных товаров;

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

в) привлекать к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса за невыполнение плана хлебозаготовок.

Не прошло и недели, как 20 августа Шеболдаев вновь обращается к Сталину, но уже в связи с отношением колхозников к хлебозаготовкам. Он пишет, что колхозники «работают это лето лучше прошлого года, но имеется обостренная настороженность в отношении к хлебозаготовкам». Основное недовольство колхозников шло по линии «критики нашего плохого руководства сельским хозяйством», напряженности работ, «против администрирования». Почти повсеместно крестьяне открыто говорят о том, что Северный Кавказ ожидает то, что произошло на Украине (голод). В этих условиях руководство отказывается доводить до колхоза план хлебозаготовок ввиду его напряженности – не остается зерна ни на фураж, ни на продовольствие. Поэтому Шеболдаев просит снизить план и заменить сдаваемую пшеницу (5 млн. пудов) на рожь и кукурузу. Сталин 22 августа ответил Шеболдаеву: «Вашу записку получил и отослал в ЦК. Поддержать Вас не могу в связи с плохой работой края по хлебозаготовкам. Если пережившая засуху Средняя Волга сдала в третьей пятидневке 4 млн. пудов, а Ваш край не сдал и 2-х, то это значит, что крайком сдрейфил перед трудностями и сдал позиции апостолам самотека либо крайком дипломатничает и старается ЦК вести за нос. Согласитесь, что я не могу поддержать в такого рода работе»²⁸.

Правда, Политбюро ЦК ВКП(б) по письмам от 14 и 20 августа приняло специальное постановление, которым разрешалось заменить пшеницу (5 млн. пудов) рожью и кукурузой, и санкционировалось применение ст. 61 УК РСФСР и лишение единоличников, не выполнивших план хлебозаготовок, права на приобретение промтоваров. Что касается просьбы крайкома снизить план хлебозаготовок зерна, то Политбюро ее отклонило как явно неправильную, свидетельствующую о «пессимистическом отношении к выполнению плана», «демобилизующую» парторганизацию, и потребовало «принять меры по обеспечению плана хлебозаготовок»²⁹.

Трудности с выполнением плана хлебозаготовок, в частности на Северном Кавказе, объясняются рядом причин, в том числе и тем, что хлебозаготовительный план был составлен, исходя из предварительных данных о более высоком урожае, чем он был в действительности. Предполагалось, что в 1932 г. с каждого гектара удастся собрать по 7,3 ц зерна. Фактически он был намного ниже, чем предполагалось. По сообщениям секретарей райкомов партии, на Кубани, Дону и в Ставрополье урожай колебался от одного до шести центнеров с гектара, а в целом по краю урожай составил лишь 3,9 ц с га, т.е. почти в два раза ниже предполагавшегося.

Интересные данные приводятся в одной из спецсводок ОГПУ по Северному Кавказу об определении урожайности районными организациями и пробными обмолами. Так, в станице Н.-Стеблиевской урожай был определен районом в 9 ц с га, а пробный обмолот дал 4 ц, Н.-Николаевской – 7,0 и 2,3, Ивановской – 9,5 и 3,7 и т.д.

Для выяснения положения с планированием хлебозаготовок на Северном Кавказе (и не только здесь) любопытен такой документ – заявление 20 единоличников Крототкинского района прокурору, в котором они писали: «Настоящим просим прокурора наше заявление рассмотреть о том, что мы, группа единоличников, обмолили свой хлеб и у нас не хватает выполнить план: Мирошников намолотил с гектара 3,5 ц, а требуют 6 ц, Дуланина намолотила с га 1,72 ц, требуют 6 ц. Мирошников Н. намолотил с 2 га 7,31 ц, требуют 14 ц, Каширин намолотил с 1,5 га 7,22 ц, требуют 9 ц и т.д. ...

А поэтому просим хлебозаготовки с нас снять»³⁰.

Однако при планировании хлебозаготовок эти обстоятельства не учитывались. По данным Е.Н.Осколкова, в 1932 г. валовое производство зерна составило 35,5 млн. ц против 69,7 млн. ц в 1931 г., т.е. в два раза меньше, а первоначальный план хлебозаготовок не намного был ниже. В дальнейшем он несколько раз снижался, но все равно не был выполнен³¹.

Подчиняясь решению Политбюро, крайком 21 августа 1932 г. в телеграмме сельским райкомам ВКП(б) категорически потребовал выполнения хлебозаготовительного плана и применения репрессий к тем работникам, которые не обеспечивают выполнения заданий по

хлебозаготовкам. В другой телеграмме давалось указание применять репрессии и к единоличникам, не выполнявшим план хлебозаготовок. Тем не менее план хлебозаготовок на август был выполнен лишь на 32%, сентябрьский – на 65, а к 20 октября в крае было заготовлено 18% месячного задания.

В спецсводке ОГПУ, посланной в сентябре 1932 г. Сталину, Молотову, Кагановичу, Постышеву, Рудзутаку говорилось о тяжелом положении с хлебозаготовками на Севером Кавказе. Объяснялось это неудовлетворительным планированием хлебозаготовок, организационно-хозяйственными недочетами (организация труда, недостаток и истощение рабочего скота, поломки инвентаря и т.п.), наличием «сопротивленческих и антихлебозаготовительных тенденций среди части низовых организаций, колхозов и совпартколхозного актива», рваческими настроениями колхозников (расхищение урожая, бойкот колхозных работ), «бойкотом хлебозаготовок со стороны единоличников» и, конечно, активизацией «кулацких и антисоветских элементов».

Для форсирования хлебозаготовок ПП ОГПУ по Северному Кавказу дало указания местным органам ОГПУ об организации заслонов, созданием бригад по охране урожая и его транспортировке, были посланы в 45 районов оперработники ОГПУ для удара «по активному контрреволюционному элементу», дана санкция на арест саботажников, в результате чего только за 20 дней августа 1932 г. было арестовано оперсекторами ОГПУ в Донском, Кубанском, Ставропольском, Терском и Шахтинско-Донецком бывших округах 2793 человека, главным образом колхозников и единоличников и было изъято 120170 ц хлеба, т.е. весь хлеб который у них был³².

Сведения о невыполнении планов хлебозаготовок поступали с Украины, Нижней Волги, Сибири, других районов страны. Это встревожило сталинское партийно-государственное руководство. 22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии под руководством т. Молотова на Украину и под руководством т. Кагановича – в Северо-Кавказский край»³³.

Комиссии Политбюро не случайно посылались на Украину и Северный Кавказ, так как на эти регионы приходилась почти половина заготавливаемого в зерновых районах хлеба.

В состав комиссии ЦК во главе с Л.М.Кагановичем вошли А.И.Микоян (Наркомат снабжения), М.А.Чернов (Комитет заготовок), Т.А.Юркин (Наркомат совхозов), Я.Б.Гамарник (Политуправление Красной Армии), М.Ф.Шкирятов (ЦК ВКП(б)), Г.Г.Ягода (ОГПУ), А.В.Косиор (ЦК ВЛКСМ).

2 ноября комиссия Кагановича прибыла в Ростов-на-Дону. В тот же день было созвано совещание секретарей сельских райкомов партии, а 4 ноября – совещание директоров совхозов края. Тогда же состоялось заседание бюро крайкома ВКП(б) с участием членов комиссии ЦК. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани», принятом 4 ноября Северо-Кавказским крайкомом партии, говорилось: «Ввиду особого позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед парторганизацией в районах Кубани боевую задачу – сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам.

Обеспечить быстрое нарастание темпов, полное и безусловное выполнение плана хлебозаготовок, тем самым добиваясь сплочения партийных рядов и укрепления колхозов». Далее следовали суровые меры воздействия на «саботажников»: были занесены на «черную доску» станицы – Ново-Рождественская (Тихорецкий район), Медведовская (Тимашевский район), Темиргоевская (Курганенский район). К ним применялись следующие меры:

а) немедленно прекращался завоз товаров, прекращалась государственная и кооперативная торговля и вывозились все товары;

б) запрещалась колхозная торговля как для колхозов, так и для колхозников и единоличников;

в) прекращалось всякое кредитование и досрочно взыскивались кредиты;

г) предлагалось произвести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов»;

д) ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов».

Не ограничиваясь мерами против трех кубанских станиц, крайком по предложению комиссии Кагановича «в качестве последнего предупреждения» в десять «отстающих районов» (Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий и др.) запретил завозить товары, а в отношении десяти других (Ейского, Краснодарского, Курганинского и др.) предложил не только прекратить завоз, но вывезти оттуда все товары.

Что касается единоличников, которые отказывались от земли, так как не могли ни обрабатывать ее, ни платить непомерные налоги, то к ним применялась такая мера, как лишение приусадебных участков. Более того, был поставлен вопрос перед правительством о выселении крестьян в северные области, передав их орудия и средства производства колхозам. Рекомендовалось также применять к ним ст. 61 УК РСФСР (спекуляция).

В постановлении отмечалось также, что постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической собственности)» от 7 августа 1932 г. слабо применяется, и предлагалось крайсуду и прокуратуре рассмотреть 20 дел и приговоры опубликовать в печати; к суду привлечь кладовщиков, счетоводов, скрывающих хлеб. Органы ОГПУ должны усилить карательные меры³⁴.

В день принятия постановления оно было передано по телеграфу Сталину, которые его отредактировал и написал резолюцию: «Опубликовать в местной печати»³⁵. На следующий день, 5 ноября, оно было опубликовано в газете «Молот».

4 ноября 1932 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение о проведении чистки сельских парторганизаций Северного Кавказа, и в первую очередь Кубани: «Чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику, разложившихся, неспособных проводить политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных»³⁶.

Л.М.Каганович и А.В.Косарев просили Политбюро ЦК санкционировать чистку комсомольских организаций Северного Кавказа. Только на Кубани в ноябре 1932 г. в результате чистки было исключено из партии 43% коммунистов и более 5 тыс. человек арестовано. Всего на Северном Кавказе в то время арестовано 15 тыс. человек³⁷.

21 ноября 1932 г. Каганович и Шеболдаев посылают Сталину постановление бюро Северо-Кавказского крайкома о выселении «саботажников» и просят его утвердить. В постановлении предлагалось «в двухдневный срок выселить 2000 кулацко-зажиточных и единоличных хозяйств Кубани, отказывающихся от обработки земли и срывающих сев». Выселение проводилось из 45 станиц 14 районов Кубани; 1000 хозяйств подлежали выселению в Северный край, 1000 – на Урал.

Отбор для выселения производился по каждой станице специальными тройками (председатель райисполкома, секретарь райкома и уполномоченный ОГПУ). Окончательное утверждение списков для выселения возлагалось на краевую тройку. «Кулацко-зжиточные» элементы были отнесены ко второй категории кулацких хозяйств, у них конфисковывались орудия и средства производства в пользу колхозов, а их самих высылали на Север. Единоличники также выселялись, но они не лишались гражданских прав. В отличие от первой группы выселяемых единоличники могли иметь запас продовольствия на три месяца, две головы мелкого скота, две штуки простейшего инвентаря, инструмент и вещи, но не свыше 70 пудов.

Вместо выселяемых, на Кубань вселялись хозяйства из засушливых районов Ставрополя (красноармейцы, переменной состав, сельские коммунисты и комсомольцы).

Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день, 21 ноября, утвердило постановление крайкома³⁸.

В декабре 1932 г. Б.П.Шеболдаев в справке в ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева на Северном Кавказе сообщал, что к 5 декабря по всем секторам заготовлено 80% годового плана. Достигнуто это в результате применения жестких (скорее жестоких!) мер воздействия. Так, по Кубани 70-75% низовых руководящих работников получили взыскания; всего же около

половины (47%) коммунистов, прошедших чистку, подверглись взысканиям. Исключено из партии в крае 1193 человека, в том числе в ноябре – 536 человек. Краевым судом и его выездными сессиями в течение ноября по декрету от 7 августа 1932 г. осуждено 949 человек, из них 175 приговорено к высшей мере (приговоры приведены в исполнение). Показательно, что в числе осужденных кулацко-зажиточные элементы или отнесенные к ним составляли 125 человек, т.е. 15%, остальные – колхозники и должностные лица.

Народным судом осуждено по 68 районам края (из 83) 6206 человек (половина из них по закону от 7 августа, другая – по ст. 61 УК РСФСР). По социальному положению кулаки составляли менее трети, остальные – колхозники и единоличники.

Шеболдаев просил Политбюро ЦК разрешить дополнительную высылку и переселение 5 тыс. семей; чистку колхозов от кулацких элементов (2-3%) с высылкой «наиболее злостных»; чистку колхозного, совхозного и кооперативного аппарата; командировать в дополнение к уже посланным в деревню в ноябре 1500 человек еще 150 работников в МТС, райзо, совхозы и 50 работников районного масштаба в счет спецмобилизации ЦК ВКП(б).

14 декабря 1932 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР, все жители станицы Полтавской, за исключением «действительно преданных Советской власти» выселялись в северные области. 23 декабря Политбюро приняло предложение Шеболдаева «о выселении 5000 семейств, в том числе 2000 из ст. Полтавской»³⁹.

К 19 декабря 1932 г. из 13 районов Кубани в Северный Казахстан были выселены 1992 семьи (9442 человека), а к 27 декабря, как сообщал Ягода Сталину, «операция по выселению станицы Полтавской» была закончена: 2158 семей (9187 человек, т.е. все население станицы) погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была осуждена и заключена в концлагеря.

Интересный факт приводит Авдеенко в автобиографической повести «Отлучение» – разговор с одним из заключенных, бывшим казаком, председателем колхоза. На вопрос писателя, за что он попал на строительство канала Москва-Волга, казак сказал, что его обвинили в саботаже хлебозаготовок: «Преступно придерживал, сказали, валютное зерно, не хотел продавать государству по твердой цене, чтобы сбыть втихомолку на базаре. Сказали, что создавал дутые, обманные фонды, вдвое больше, чем надо для прокорма людей и скотины. Сказали, что открыто восхваляю колхозы, а тайно, тихой сапой, создал в правлении контрреволюционное гнездо «Колхозы без коммунистов». Читали статью товарища Сталина... извиняюсь, гражданина Сталина «О работе в деревне»? Все плохое из этой статьи судья мне припечатал. Персонально! Старого кулака-зверюгу, с лошадиными зубами, с толстой шеей, всем видимого, плакатного кулака, как сказал гражданин Сталин, мы извели начисто. Теперь есть новый куркуль, «тихий», сладенький, почти святой. Вот и меня, когда я попал под горячую руку, зачислили в тихие и сладенькие...

Верно, я сдал не весь хлеб, не дотянул немного до сверхплановой нормы... Почему, спросите не дотянул? Дорого дюже. Накладно. Колхозников без хлеба, а скот без кормов надо было оставить. Совесть не позволила морить людей голодом. Не саботажник я, а голова колхоза, доверенное лицо хлебороба... Вот так и загремел «непрозорливый» деревенский работник, незакаленный и переоцененный, как сказал гражданин Сталин. И теперь вот на лагерной наковальне перековываюсь, прозорливости набираюсь»⁴⁰.

Такие же мероприятия по выполнению хлебозаготовок проводились и на Украине по указанию Молотова. 30 октября 1932 г. он сообщил Сталину, что на расширенном заседании Политбюро ЦК КП(б)У с участием секретарей обкомов партии был обсужден план хлебозаготовок 1932/33 года: «Пришлось жестко покритиковать Украинскую организацию и особенно ЦК КП(б)У за демобилизованность в заготовках».

5 ноября Молотов и секретарь ЦК КП(б) Украины Хатаевич дали директиву обкомам, требуя от них немедленных и решительных мер по выполнению декрета от 7 августа 1932 г. «с обязательным и быстрым проведением репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов»⁴¹.

18 ноября 1932 г. ЦК КП(б) Украины при участии Молотова принимает постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок», которое предусматривало такие же драконовские меры воздействия на крестьян Украины, как и на Кубани (занесение на «черную доску» со всеми вытекающими из этого последствиями). Занесение на «черную доску» объявляется постановлением облисполкома. В постановлении особо подчеркивается, что в период хлебозаготовок «вскрылось смыкание целых групп коммунистов и отдельных руководителей партячеек с кулачеством, петлюровщиной и т.п., что на деле превращает такого рода коммунистов и парторганизации в агентуру классового врага». Ввиду этого ЦК и ЦКК КП(б) Украины решили «немедленно произвести чистку ряда сельских парторганизаций, явно саботирующих выполнение плана хлебозаготовок и подрывающих доверие партии в рядах трудящихся». Чистка прежде всего должна быть проведена в Снегуровском и Фрунзенском районах Одесской области, Солонянском, Васильковском и Верхне-Лепетихском районах Днепропетровской области⁴².

В отношении единоличников, не выполняющих план хлебозаготовок, предписывалось применять натуральные штрафы в виде установления дополнительных заданий по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы и годичной сдачи картофеля. Но это не освобождало от хлебосдачи. Что касается кулаков, то к ним применялись репрессии, предусмотренные ст. 58 Уголовного кодекса (контрреволюционные преступления).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что решения, принятые на Северном Кавказе и Украине, а затем в Поволжье и Казахстане, по оценке положения и мер воздействия на крестьян были очень схожи, а поскольку северокавказское постановление редактировал Сталин, то не исключено, что и украинское постановление принималось по его указанию. Хотя, конечно, взгляды и Кагановича и Молотова не противоречили установкам Сталина.

20 ноября 1932 г. Молотов из Геничевска телеграфировал Косиору: «До сих пор в районах действует распоряжение о продаже всюду спичек, соли и керосина. Есть об этом телеграмма Бляхера от 9 ноября. Надо немедленно это отменить и проследить исполнение»⁴³. Одновременно он пишет письмо в Чубаревку секретарю партии Константинову и председателю райисполкома Булаве (копию посылает в обком Строганову и облисполком Алексееву) по поводу усиления хлебозаготовок. Молотов считает, что для этого нужно следующее.

Во-первых, понять тактику классового врага в деревне, где «агенты кулачества забрались во многие колхозные щели и дырки и умело прикидываются «друзьями» колхозников, пролезая в правления, а иногда облюбовывая для себя посты счетоводов и завхозов, причем преступная «работа» этих примазавшихся к колхозам лжедрузей во многом облегчается оппортунистической слепотой и бесхарактерностью части коммунистов».

Во-вторых, направить острие политической работы «на раскрытие в колхозах всех и всяких хитростей и ухищрений агентуры и плетущихся за ней подпевал, изошряющихся в разного рода надувательствах честных колхозников и нашего рабоче-крестьянского государства путем растаскивания и расхищения колхозного общественного хлеба и открыть на все это глаза колхозников». Без этого, считает Молотов, нельзя обеспечить выполнение основных обязанностей перед государством, которые «должны быть поставлены сознательными колхозниками выше других дел».

В третьих, не полагаться на агитационно-массовую работу* хотя бы и с принятием в дополнение к ней большого числа постановлений о партийных взысканиях.

В четвертых, сосредоточить внимание на практической работе по хлебозаготовкам, установив контроль за молотьюбой, перевозкой и хранением зерна. Своевременно проводить меры экономического воздействия на колхозы, а также твердо проводить репрессивные меры в отношении «контрреволюционных саботажников хлебозаготовок»⁴⁴.

Как видим, намечена целая система мер нажима на колхозы и крестьянство для выполнения плана хлебозаготовок.

---

* Подчеркнуто мною – Авт.

В этой связи интересно привести полемику между Молотовым и секретарем ЦК КП(б) Украины и Днепропетровского обкома партии Хатаевичем.

М.М.Хатаевич в своей брошюре в разделе о хлебозаготовках писал, что заготавливать нужно товарный хлеб, а не хлеб вообще. Это вызвало резкую критику со стороны Молотова, который считал, что хлеб нужно взять из деревни любой ценой и в первую очередь. В связи с этим Хатаевич в письме Молотову в середине ноября 1932 г. писал: «Я согласен, что в нынешних условиях, условиях борьбы за хлеб на Украине в текущем году, было с моей стороны неправильно оставлять в брошюре подобное место, ибо, чтобы накормить теперь, немедленно рабочий класс и Красную Армию, *нам придется брать любой хлеб в колхозах и где угодно, не считаясь с тем, товарный он или нетоварный.*

Но если ставить вопрос о хлебозаготовках вообще, то я продолжаю считать формулировку, данную мною на странице 7 брошюры, правильной. Я считаю, что мы должны заготавливать в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба. А для того, чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут».

Примерно так же считали и Рудзутак и Косиор, телеграфируя Сталину (январь-март 1932 г.) о планировании хлебозаготовок⁴⁵.

«Мне кажется, – продолжал Хатаевич, – что из этого исходило постановление ЦК ВКП(б)М и СНК СССР от 6 мая с.г., в котором объявлялось о некотором уменьшении планов хлебозаготовок и о колхозной торговле хлебом.

До сих пор во всех местах и случаях, где мне приходилось организовывать, проводить хлебозаготовки, я исходил именно из этого положения и глубоко убежден, что иначе, при общей постановке вопроса о хлебозаготовках, к борьбе за хлеб подходить невозможно.

Формула «колхозы для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов» для меня является более чем бесспорной. Но в колхозах есть еще колхозники, крестьяне – вчерашние единоличники, – которые могут отвернуться от колхозов, махнуть на них рукой, если мы не обеспечим им должной заинтересованности в колхозном производстве. Рабочий класс и его партия должны подчинить себе и вести за собой крестьянство, особенно колхозное, но мы должны достигать этого, в первую очередь, мерами правильной ленинской политики в отношении к крестьянству, рассчитанной и построенной на том, чтобы обеспечить со стороны колхозного крестьянства, его передовой части в особенности, должную поддержку пролетарскому государству...

Если в том, что я здесь написал, по-вашему, есть оппортунизм, то Вам следует тогда отнести меня к разряду неисправимых оппортунистов.

С ком. приветом.

М.Хатаевич»⁴⁶.

На это последовал ответ Молотова (из Харькова):

«Тов. Хатаевич!

Начал было писать ответ на Ваше письмо, но времени нет и потому ограничиваюсь несколькими строчками.

Ваша позиция в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд – минимальных нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению – нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других «озадков».

Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства во внеочередном порядке.

С другой стороны, нельзя впадать и в обратную оппортунистическую крайность: “брать любой хлеб и где угодно, не считаясь и пр.”. Эта позиция также не большевистская и вытекает из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований.

Итак, Вам надо поправить свою ошибку, не настаивать на ней и вести работу по большевистски, чему у Вас много данных.

С тов. приветом.

В.Молотов»⁴⁷.

Нажим на Хатаевича был и в Политбюро ЦК КП(б) Украины, и он вынужден был сам внести предложение: «Ввиду неудовлетворительных некоторых формулировок в брошюре Хатаевича о хлебозаготовках изъять из обращения до внесения в нее Хатаевичем необходимых исправлений». После внесения исправлений предложить членам Политбюро просмотреть и только после этого издать⁴⁸.

Разумеется, ни Хатаевич, ни Косиор, ни другие руководители партийных организаций не являлись противниками или оппозицией сталинскому руководству (они сами в него входили), но, поскольку они непосредственно на местах проводили сталинскую политику и видели отношение и крестьянства и низовых работников к мероприятиям центра, они вынуждены были пытаться как-то скорректировать эту политику, чтобы не довести дело до крестьянского восстания (как это было весной 1930 г.). Они обращались в Политбюро, к Сталину с просьбой снизить планы хлебозаготовок, так как хлеб почти весь был изъят, начинался голод.

Репрессии приобретали невиданный размах. Только за ноябрь и пять дней декабря 1932 г., сообщает Косиор Сталину, на Украине в связи с хлебозаготовками органами ГПУ арестовано 1230 человек, в том числе 340 председателей колхозов, 750 членов правлений, 140 счетоводов. Кроме того, арестовано 140 бригадиров, 265 завхозов и весовщиков, 195 других работников колхозов. Всего, таким образом, было арестовано 1830 человек. На «черную доску» решением ЦК КП(б) и СНК Украины занесено шесть крупных сел, а постановлениями облисполкомов – до 400 колхозов. Данные, приведенные Косиором, касались репрессий в отношении руководящих работников, а также других должностных лиц колхозов. Но арестовывали не только их, но и рядовых колхозников и единоличников, «повинных в срыве хлебозаготовок». По сведениям ГПУ Украины, «в результате массовой операции» к 27 ноября 1932 г. по семи областям было арестовано 7729 человек, в том числе в Днепропетровской области 2159 чел., Харьковской – 1657, Киевской – 1300, Винницкой – 1275, Донецкой – 852 человека и т.д.

К началу декабря 1932 г. количество арестованных в связи с хлебозаготовками возросло до 8881 человека, из них: председателей колхозов – 311 чел., членов правлений – 702, счетоводов и бухгалтеров – 1217, бригадиров – 125, кладовщиков – 206, других специалистов колхозов – 152, рядовых колхозников 314, председателей сельсоветов – 31, уполномоченных райпотребкооперации – 13 человек.

Репрессии применялись и к коммунистам, недостаточно рьяно выполняющим директивы Центра, – отдано под суд 327 человек. И тем не менее, план хлебозаготовок Украина не сумела выполнить – на 8 декабря 1932 г. оставалось еще заготовить 94 млн. пудов⁴⁹.

Хатаевич в письме Сталину 27 декабря объяснял причину неудовлетворительного хода хлебозаготовок на Украине. В числе их он называет плохое планирование хлебозаготовок: «Несмотря на многократное исправление планов, многочисленные ошибки, имевшие место в планировании заготовок, в виде дачи одним районам нереальных невыполнимых заданий, а другим – легких(?), до сих пор ошибки не исправлены.

Считаю необходимым сказать, что план хлебозаготовок в 425 млн. пудов (после снижения – 315 млн), который вначале получила Украина, не содействовал созданию должной мобилизованности в борьбе за хлеб. Многие были уверены в его невыполнимости и нечего не делали. Если бы вначале Украина получила 350 млн. – скорее бы выполнила».

Сталин на письме приписывает: «Интересно», а Молотов: «Ложную установку свою т. Хатаевич углубляет»⁵⁰.

Однако ничего не меняется. Наоборот, нажим усиливается, репрессии наращаются. Сталин неумолим. 10 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заслушивают доклад Косиора. Ход хлебозаготовок признается неудовлетворительным. Кагановичу и Постышеву предлагается «немедленно выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и СНК УССР, засесть в решающих областях в качестве особоуполномоченных... и принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения хлебозаготовок». Отменяется постановление ЦК КП(б) Украины о колхозных фондах, и теперь в счет хлебозаготовок начинают вывозиться и семена.

14 декабря принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках на Украине и Северном Кавказе, которое обязывает партийные органы этих районов «решительно искоренять эти контрреволюционные элементы («саботажники хлебозаготовок». – *Авт.*) путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них». К числу «злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства» отнесены теперь и «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, обманывающие государство и проваливающие задания партии и правительства... По отношению к этим перерожденцам, врагам Советской власти и колхозов, все еще имеющим партбилет, ЦК и СНК обязывают *применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел*» (курсив мой. – *Авт.*).

Все исключенные за хлебозаготовки коммунисты подлежали выселению в северные области наряду с кулаками⁵¹.

Каганович, командированный на Украину, 22 декабря сообщает Сталину, что семь уполномоченных ЦК КП(б)У и три уполномоченных обкомов партии по хлебозаготовкам сняты, а дела об их пребывании в партии переданы ЦКК КП(б)У. «Сегодня, – рапортует Каганович, – постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывающих хлебозаготовки директоров совхозов».

Сталин на телеграмме Кагановича пишет: «Хорошо!»⁵².

Через два дня, 24 декабря 1932 г., председатель ГПУ Украины В.А.Балицкий телеграфирует из Одессы Ягоде, что он и Каганович считают необходимым выслать из Одесской области на Север 500 семей. Косиор, в свою очередь, просит Сталина разрешить выселение еще 300 семей из Черниговской области. Политбюро ЦК ВКП(б) 26 и 31 декабря дает согласие на репрессивные меры.

4 января 1933 г. П.П.Постышев в записке И.В.Сталину о ходе хлебозаготовок в Днепропетровской области писал, что в ноябре-декабре 1932 г. репрессии были применены к 4898 крестьянам и деревенским работникам, но результатов не дали. «Репрессии не всегда содействовали хлебозаготовкам, – писал он, – а нередко били хорошие колхозы»⁵³. Однако репрессии продолжались.

«Опыт» Северного Кавказа и Украины мгновенно перенимается.

Из Нижне-Волжского края сообщалось, что ход хлебозаготовок «крайне неудовлетворителен». Годовой план к 1 ноября 1932 г. выполнен на 52%. Основную причину этого органы ОГПУ видели в значительном росте «оппортунистических и потребительских настроений среди низовых работников», в «засоренности» правлений и среднего руководящего состава колхозов и колхозников, а также в остром сопротивлении заготовкам единоличников. Несмотря на то, что органами ОГПУ в связи с хлебозаготовками в крае было арестовано более 3,5 тыс. человек отмечалось «нарастание нездоровых настроений среди значительных групп колхозников», которые идут по линии:

- а) боязни остаться без хлеба после выполнения хлебозаготовок,
- б) тенденций к выходам из колхозов,
- в) снижения трудовой дисциплины («все равно весь хлеб вывезут и останемся, как и в прошлом году, голодными»).

Для усиления хлебозаготовок в 26 особо отстающих районов «выброшены опергруппы ПП ОГПУ». Посланный в Нижне-Волжский край секретарь ЦК ВКП(б) П.П.Постышев в докладной

записке в декабре 1932 г. сообщал, что в Нижне-Чирском районе за невыполнение плана хлебозаготовок занесены на «черную доску» 25% колхозов. «Кулаки в Нижне-Волжском крае, – писал Постышев, – совершенно распоясались, обнаглели, в некоторых случаях захватили в свои руки руководство колхозами и сельсоветами и в целом ряде случаев по существу взяли в свои руки хлебозаготовки». В Сталинградский район Нижне-Волжского края Сталин и Молотов посылают телеграмму, в которой требуют повинных в прекращении сдачи хлеба (ввиду голода) «преступников немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения». 23 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) разрешает крайкому выселить 300-400 единоличных хозяйств «из числа наиболее злостных саботажников по сдаче хлеба»⁵⁴.

Секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И.М.Варейкис в письме Сталину от 28 ноября 1932 г. сообщал, что единоличникам давали значительно большие планы хлебозаготовок, чем было установлено для области. «В силу этого планы заготовок по единоличному сектору оказались значительно преувеличенными и основная масса незаготовленного хлеба находилась у единоличника, который оказывает бешеное сопротивление – прячет хлеб в ямы, по соседям, разбазаривает и т.п.». Для выполнения плана хлебозаготовок направлено 12 тыс. колхозных бригад, не считая уполномоченных обкома и райкомов. Тем не менее, «по единоличному сектору, а в некоторых районах и по колхозному план хлебозаготовок мы не выполним», – писал Варейкис.

В связи с решением ЦК ВКП(б) об особых мерах, принятых по хлебозаготовкам на Кубани, обком ЦЧО также принял «ряд мер по очистке колхозов и усилению борьбы с рваческими кулацкими элементами». Однако, считал Варейкис, было бы ошибкой переносить проведение таких мер в ЦЧО, так как здесь иное положение – подавляющая часть колхозов план хлебозаготовок уже выполнила. Поэтому «главная задача сейчас – правильно и умело подойти к колхозу, знать его хозяйство, быть в курсе того, что делается в колхозе, а не проводить механически те или иные меры или решения по всем колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок».

На письмо Варейкиса резолюция: «Молотову, Кагановичу (лично). Просьба прочесть. И.Сталин»⁵⁵.

О том, насколько напряженным было положение, можно судить по сообщениям ОГПУ о массовых выступлениях колхозников в Кромском районе ЦЧО в связи с хлебозаготовками. В колхозе «Красный Октябрь», например, во время отправки зерна на заготовительный пункт толпа женщин в 80 человек, подойдя к амбарам, потребовала раздать хлеб колхозникам. То же самое произошло в колхозе «Идея Ильича», где толпа женщин в 100 человек воспрепятствовала сдаче хлеба государству. И только после ареста «руководителей выступлений» – председателей колхозов зерно было вывезено⁵⁶.

Аналогичные случаи были зарегистрированы и в других районах области. А весной 1933 г. в южных районах ЦЧО начался голод.

Не лучше обстояло дело и в Сибири. Планы хлебозаготовок были высокие, поэтому многие руководители колхозов боялись проводить собрания колхозников по хлебозаготовкам. «Надо проводить собрание с колхозниками, – говорил председатель одного из колхозов Саванов, – и боюсь, как узнают сколько нам дали, так бросят убирать хлеб»⁵⁷. И действительно, крестьяне были настроены к хлебозаготовкам резко отрицательно. Зафиксированы многочисленные факты «суждений колхозников и единоличников» о хлебозаготовках. «Сейчас каждый колхозник прячет хлеб в яму, а тот кто верит этим брехунам (Советской власти. – *Авт.*) – насидится голодом. Нынче хлебозаготовки еще больше, чем в прошлом году, значит, голод будет и не напрягать нельзя. Я вот получил твердое задание, а у меня хлеба уже нет, пусть хоть с обыском идут. Я прошлый год похоронил двоих, а теперь умнее стал», – говорил единоличник Титов (Змеиногорский район).

Другой крестьянин-бедняк, единоличник Журавлев (Каратузский район), заявлял: «Нынче всех опять разорили хлебозаготовки подчистую. Колхозникам еще хуже, чем нам достается, им и вовсе придется голодом сидеть после таких планов».

Колхозник Буринов (Ачинский район) говорил: «Я нынче весной поверил было, что правительство снизило хлебозаготовки, оказывается нет. Весной говорили, а теперь еще не убран хлеб, начинают нажимать, – вот и облегчение; поневоле скажешь, что нас кругом обманули, на каждом шагу надувают мужика... Нет и не было от Советской власти правды и не будет»⁵⁸.

Как сообщалось в донесениях секретно-политического отдела ОГПУ, по данным на 1 октября 1932 г. по 17 районам Восточно-Сибирского края зарегистрировано 56 случаев отказа от принятия плана хлебозаготовок со стороны 11 сельсоветов, 13 селений, 13 колхозов и 19 случаев отказа отдельных групп единоличников. Кроме того, по пяти районам отмечены случаи самовольного снижения хлебозаготовительных планов⁵⁹.

И это неудивительно, так как планы хлебозаготовок нередко превышали валовый сбор зерна. В селах Утянка, Баклуши, Индра и других твердые задания давались в размере 150% к валовому сбору. По 94 районам Западно-Сибирского края число хозяйств, обложенных твердым заданием, достигало 15 тыс., т.е. значительно больше, чем имелось к этому времени кулацких хозяйств. Так, в Кундранском сельсовете Убинского района твердое задание было дано 74 хозяйствам, фактически же их насчитывалось 17. Вообще следует заметить, что твердые задания в 1932 г. давались не кулацким хозяйствам, которых практически уже не было, а единоличникам-середнякам, и может быть даже и беднякам. В самом деле, 15 тыс. «твердозаданцев» имели около 24 тыс. га посева, т.е. примерно 1,5 га на хозяйство. Задание же им было дано 128850 ц, или 5,4 ц с гектара⁶⁰. Фактический урожай был еще меньше. Естественно, что план не был выполнен.

С большим напряжением к началу декабря 1932 г. Сибирь выполняет план хлебозаготовок на 81,5% или 11410 тыс. ц, что составляло 132% по отношению к 1931 г. Оставшуюся часть секретарь крайкома Р.И.Эйхе просит И.В.Сталина отсрочить до 1 марта 1933 г. Просьба отклоняется: в качестве «крайней меры» Сталин и Молотов соглашаются на отсрочку до 1 февраля. «Ответственность возлагаем, – говорится в телеграмме, – на Эйхе, Грядинского (председатель крайисполкома. – *Авт.*) и уполномочиваем их применять все меры репрессий, какие найдут нужным применять»⁶¹. Между тем, к началу декабря, по сообщению ПП ОГПУ по Западной Сибири, уже было арестовано 7435 человек. В отстающие по хлебозаготовкам районы в декабре было направлено 23 оперативных работника ОГПУ.

5 декабря 1932 г. начальник треста совхозов Урала Мирзоян сообщал Сталину, что совхозы Урала не могут выполнить план хлебозаготовок ввиду низкого урожая (3,65 ц/га против ожидавшихся 4,66 ц). Для выполнения плана там мобилизовано все: вывозятся семена, перемалчивается солома и т.п. Сталин и Молотов тут же телеграфируют в Свердловск: «Шифровку Мирзояна о невыполнении плана совхозами считаем неубедительной: формально бюрократической. Областное руководство не может уйти от ответственности и за невыполнение плана совхозами. СНК и ЦК обязывают вас сообщить в Москву фамилии директоров отстающих совхозов, и директорам объявить от имени СНК и ЦК, что в случае невыполнения плана они будут арестованы как обманщики, саботажники и враги Советского государства, так же, как арестован ряд директоров Западной Сибири, Украины, Северного Кавказа. Директорам объявите, что партбилет не спасет их от ареста, что враг с партбилетом заслуживает большего наказания, чем враг без партбилета»⁶².

25 декабря 1932 г. начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов в директиве № 31687 в Новосибирск и Свердловск предлагает «в связи со слабым ходом хлебозаготовок в зерносовхозах Западно-Сибирского края и Урала» немедленно телеграфировать в Москву о принятых «агентурно-оперативным мероприятиях по ускорению выполнения годового хлебозаготовительного плана отстающими зерносовхозами» с указанием «сколько человек было оперировано, их социальное положение, занимаемые должности и конкретная контрреволюционная деятельность»⁶³.

А еще раньше, 28 ноября 1932 г., подобный меморандум был направлен полномочным представителям ОГПУ по Дальне-Восточному, Восточно-Сибирскому и Западно-Сибирскому краям, предписывавший «развернуть оперативную работу в деревне по нанесению удара по

контрреволюционным элементам, тормозящим и срывающим заготовки, в целях создания перелома в ходе кампании».

В число «саботажников» хлебозаготовок сплошь и рядом попадали председатели колхозов, работники сельсоветов, отказавшиеся отбирать у крестьян последнее зерно. Член Баевского сельсовета того же района Западно-Сибирского края заявил: «Пусть что угодно со мной делают, а я план выполнять не буду. Меня хоть и заставляют нажимать на мужиков, но я не дурак, чтобы крестьян оставлять без хлеба». Руководители колхозов «Красный Октябрь» и имени Мамонтова были исключены из партии и отданы под суд за невыполнение плана хлебозаготовок⁶⁴.

В широких масштабах проводились репрессии и в Казахстане. Крайком партии 10 ноября вынес решение аналогичное постановлению Северо-Кавказского крайкома о бойкотировании отстающих по хлебозаготовкам 31 района с занесением их на «черную доску», лишением кредитов, промтоваров, запрещением колхозной торговли и т.п. Во исполнение постановления Казкрайкома ВКП(б) от 10 ноября только за период с 12 по 20 ноября 1932 г. было арестовано 374 «саботажника» хлебозаготовок, исключено из партии 111 низовых деревенских работников. В результате проведенным мероприятиям «по очистке колхозов, изъятием организаторов сопротивления, – сообщалось в спецсводке ОГПУ от 7 декабря 1932 г., – в ряде решающих хлебных районов (Усть-Каменогорский, Кокпектинский, Джувалинский, Аулие-Атинский) многие колхозы хлебозаготовительный план (ноября. – *Авт.*) выполнили полностью в две недели»⁶⁵. При этом даже органы ОГПУ не могли скрыть, что напряженность в проведении хлебозаготовок усилили тенденции к выходу из колхозов, выезду из районов и даже эмиграцию за границу. Хлебозаготовки сопровождались повальными обысками, арестами и избиениями крестьян. Планы хлебозаготовок в большинстве случаев были невыполнимыми. Так, в Казалинском районе план хлебозаготовок составлял 121 тыс. ц при валовом сборе в 101 тыс. ц. В Калининском районе в колхозе имени Маркса при валовом сборе в 11424 ц план хлебозаготовок был 13182 ц. В колхозе «Кескен-Тоган» (Кизалинский район) валовый сбор – 1967 ц план хлебозаготовок – 2464 ц и т.д. Неудивительно поэтому, что многие колхозники выходили из колхозов и покидали родные края. В Янги-Курганском районе из колхоза «Жени Джел» из 87 хозяйств вышло 58 хозяйств и перебрались в Кызыл-Ординский район; из 380 хозяйств колхоза «Шепонты» 300 хозяйств ушло в Узбекистан⁶⁶.

Нажим на колхозы и колхозников, декхан-единоличников усиливался, репрессии ужесточались. Причем тезис Сталина о том, что наступление социализма не может обойтись без репрессий получил дальнейшее развитие не только в теории, но и на практике. Секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана Ф.И.Голощекин на V пленуме крайкома партии 16 декабря 1932 г. говорил: «Мы не только не можем отказаться от методов принуждения, методов насилия, жестоких репрессий в отношении классового врага, мы эту борьбу должны еще усилить. Но фронт расширяется. На сцену выступают отдельные элементы из близких нам слоев, скажем, колхозников, которые идут на поводу классового врага, которые в силу глубины мелкобуржуазной психологии и навыка сознательно начинают вредить пролетарскому государству в виде хищений, вредительства, скрытия кулака-вредителя, сознательного саботажа государственных заготовок»⁶⁷.

Но не только колхозники, «зараженные» мелкобуржуазной идеологией были отнесены к числу врагов пролетарского государства, но «отдельные члены партии, секретари ячеек, а иногда и ячейки, районный актив и некоторые уполномоченные в районе», которые отказываются проводить хлебозаготовки репрессивными методами. «Я не поеду на костях колхозников заготавливать хлеб для государства», – заявил один из секретарей райкома партии⁶⁸.

Все это позволяет сделать вывод, что заготовки сельскохозяйственной продукции (мяса, зерна), хотя формально считались государственными или кооперативными закупками, фактически являлись обязательными поставками, невыполнение которых преследовалось репрессиями как в судебном, а чаще во внесудебном порядке.

В 1933 г. произошла перестройка системы заготовок сельскохозяйственной продукции. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательной поставке зерна государству

колхозами и единоличными хозяйствами» от 19 января 1933 г. вместо договорной (контракционной) системы заготовок устанавливали твердые имеющие силу налога обязательства колхозов и единоличных хозяйств по сдаче зерна по установленным государственным ценам.

Для сдачи зерновых культур были установлены твердые погектарные нормы с планового посева, дифференцированные по районам (в зависимости от урожайности) и по отдельным культурам. Для колхозов зерновых районов норма сдачи зерна колебалась от 2 до 3,3 центнеров с гектара. С единоличных хозяйств нормы сдачи были на 5-10% выше нормы сдачи колхозами данного района, а с хозяйств, отнесенным к кулацким (которых уже не было), норма сдачи зерна устанавливалась в полуторном размере по сравнению с единоличниками (постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1933 г.)⁶⁹. Такой же порядок заготовок еще раньше был введен постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1932 г. по мясным и от 19 декабря 1932 г. по молочным продуктам⁷⁰.

И хотя это несколько упорядочило систему заготовок положение колхозов и колхозников, крестьян-единоличников мало изменилось. Цены на сдаваемую сельскохозяйственную продукцию были символическими – в 8-10 раз ниже рыночных, – кроме обязательных поставок, устанавливалась 2%-ная надбавка для снабжения сельских учителей, агрономов, медработников. Практиковались также встречные планы хлебозаготовок для районов и колхозов, выполнивших обязательные поставки, хотя постановлением это запрещалось⁷¹.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. вновь подтверждался запрет на встречные планы зернопоставок, но одновременно запрещалась колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом, начиная с 25 июня. Более того, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) распространяло закон об обязательной зернопоставке (от 19 января 1933 г.) на колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях (чтобы не умереть с голоду!), «из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов»⁷².

Наступление на крестьян продолжалось и по линии налогового обложения как обязательного, так и «добровольного». Тяжесть его из года в год возрастала. По данным сектора финансовой политики Наркомфина СССР, обязательные платежи деревни в 1930 г. составляли 880,1 млн. руб., в 1931 г. – 1731,1 млн, в 1932 г. – 2020,0 млн. руб. По социальным секторам и видам платежей они распределялись следующим образом: (табл. 27).

Данные таблицы показывают, что общая сумма обязательных налоговых платежей за три года коллективизации выросла почти в два с половиной раза. Несмотря на то, что количество крестьянских хозяйств (включая и колхозных) уменьшилось на один миллион (4% к общему числу). Примерно так же возросли и «добровольные» платежи (займы, взносы в сберкассах, покупка акций и т.п.) – с 1261,7 млн. руб. в 1930 г. до 3132,0 млн. в 1932 г. Общая сумма денежных платежей в деревне составила: в 1930 г. – 2141,8 млн. руб., в 1931 г. – 3987,6 млн, в 1932 г. – 5152,0 млн. руб.

Обязательные платежи деревни (в млн. руб.)

		<i>Сельхозналог</i>	<i>Самообложение</i>	<i>Страх. платеж</i>	<i>Культ. сбор</i>	<i>Итого</i>
Колхозы	1930 г.	24,2	7,7	18,9	—	50,8
	1931 г.	90,3	2,2	159,4	—	251,9
	1932 г.	190,0	—	295,7	—	485,7
Колхозники	1930 г.	11,2	—	8,3	—	19,5
	1931 г.	37,8	122,4	90,7	26,0	276,9
	1932 г.	87,0	200,0	156,9	103,0	546,9
Единоличники	1930 г.	332,5	218,0	259,3	—	809,8
	1931 г.	390,4	280,4	303,4	228,1	1202,8
	1932 г.	273	250	207,4	257,0	987,4
<i>Всего</i>	1930 г.	367,9	225,7	286,5	—	880,1
	1931 г.	518,5	405,0	553,5	254,1	1731,1
	1932 г.	550,0	450,0	660,0	360,0	2020,0

Источник: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 85. Л. 43.

Структура платежей деревни может быть представлена в следующем виде: в 1930 г. обязательные платежи составляли 41,1%, а добровольные – 58,9%, в 1931 г. соответственно: 43,4% и 56,6%, в 1932 г. – 39,2% и 60,2%. Это значит, что удельный вес обязательных платежей (налогов) равнялся примерно 40% к общей сумме денежных платежей, а «добровольных» – 60%⁷³. Между тем взыскание тех и других платежей производилось в одинаково обязательном порядке.

Отметим, что еще весной 1932 г. нарком финансов СССР Г.Ф.Гринько в записке о сельхозналоге на 1932 г. предлагал увеличить сумму налога до 550 млн. рублей против 500 млн, собранных в 1931 г. В соответствии с этим предлагалось увеличить и его размер с каждого хозяйства. Колхозы должны были уплачивать 10 руб. 12 коп. с каждого обобщественного хозяйства против 5 руб. 70 коп. в 1931 г., колхозники соответственно: 5 руб. 60 коп. и 3 руб. 20 коп., единоличники – 36 руб. 30 коп. и 30 руб. 80 коп., кулаки – 350 руб. против 318 руб. в 1931 г. Общая сумма сельхозналога с единоличных хозяйств (включая кулаков) должна была составить 300 млн. руб., а колхозов и колхозников – 250 млн. руб. Это значит, что единоличники, имевшие в 4 раза меньше земли, чем колхозы и колхозники, должны уплачивать 54,5% общей суммы налога.

На 1933 г. по докладу в Политбюро ЦК ВКП(б) зам. председателя СНК СССР В.В.Куйбышева сельхозналог предлагалось увеличить до 800 млн. руб., хотя количество крестьянских хозяйств уменьшилось на 1,5 млн, в том числе единоличных на 1,2 млн. Тем не менее, единоличники, насчитывавшие 8 млн. хозяйств, должны были уплачивать 52% общей суммы налога, а колхозное крестьянство (15,2 млн. хозяйств) – 48%.

В 1933 г. была перестроена система обложения колхозов, колхозников и единоличников в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1933 г. о сельхозналоге на 1933 г., согласно которому для обложения доходов колхозов от полеводства установлен был особый порядок. Объектом обложения доходов стала определенная планом посевная площадь независимо от фактического выполнения плана посева. При обложении доходов от полеводства погектарными ставками налогов не учитывались потери как объективного, так и субъективного характера.

Внесены были изменения и в обложение колхозников по необобщественной части доходов (приусадебных участков и пр.), что также вело к увеличению налогов.

Усилен был налоговый пресс и на единоличников, чтобы вынудить их к быстрейшему вступлению в колхозы. Были повышены нормы доходности от отдельных объектов обложения (полеводства, огородничества, садоводства и др.).

Еще в ноябре 1932 г. В.М.Молотов предложил ввести единовременный, дополнительный, налог на единоличников, так как считал, что они живут лучше колхозников. В записке в Политбюро ЦК ВКП(б) он писал: «Единоличник нас здорово надувает (по всем заготовкам, по подписке на заем, на рынке и т.д.). На колхозы мы нажимаем, единоличник здорово выкручивается».

Предлагаю, помимо других мер, немедленно (еще в 1932 г.) провести закон о спецналоге для единоличников в размере 300 млн. рублей. Разработать и провести это дело можно быстро. Тов. Гринько с этим согласен»⁷⁴.

16 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Молотова о введении в 1932 г. спецналога на единоличников.

Ставки единовременного налога дифференцировались по отдельным группам хозяйств. Для хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в твердых ставках, они были установлены в 15-20 руб. на хозяйство; облагавшихся сельхозналогом по прогрессивным ставкам, – от 100 до 175% оклада сельхозналога; для кулацких хозяйств – 200% сельхозналога. Для отдельных районов ставки налога могли быть повышены областными и краевыми органами власти еще на 50%. Райисполкомам предоставлено было также право повышать вдвое ставки налога с тех единоличников, которые не выполняли государственных заданий по заготовкам.

Поскольку к этому времени собственно кулацких хозяйств в деревне уже не было, поэтому перечень признаков кулацких хозяйств, установленный в 1929 г., отсутствовал, то Политбюро

ЦК ВКП(б) на основании записки Гринько Молотову от 7 февраля 1933 г. установило для взимания сельхозналога, культсбора и других налогов следующие признаки кулацких хозяйств:

«а) хозяйства, занимающиеся систематической спекуляцией (скупка, продажа) и наживающиеся на этом за счет рабочих и крестьян,

б) хозяйства, злостно не выполняющие заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств, если они не относятся к определению бедняцким хозяйствам»⁷⁵.

Следовательно, единовременный налог на единоличников, как и другие налоги, преследовал цель – заставить единоличников вступать в колхозы. В одной из сводок ОГПУ об отношении крестьян-единоличников (бедняков и середняков) к введению единовременного налога отмечается, что «в ряде районов при проработке постановления о единовременном налоге на единоличников многие подают заявления о вступлении в колхоз». Массовая подача заявлений о вступлении в колхоз наблюдалась в Петелинском, Волоколамском, Реутовском, Клинском, Тумском и других районах Московской области. Крестьянин-середняк Кирпичев на собрании дер. Бородухино Малоярославецкого района заявил: «Почему введен этот налог, нам, крестьянам, неизвестно. Нас облагают и не спрашивают – плати и только. Если брать налог с крестьянина ему надо разъяснить для чего налог, сколько, а то с единоличников берут, а с колхозников нет. Это для нас понятно: этим нас хотят загнать в колхоз – вот не хочешь, а иди»⁷⁶.

Взыскание единовременного налога производилось в конце 1932 – начале 1933 г. Меры репрессий к неплательщикам или недоимщикам применялись такие же, как и при невыполнении других налоговых платежей (штрафы, продажа имущества, аресты).

Таким образом, крестьянам вообще, а единоличникам в особенности приходилось платить массу налогов, независимо были ли они обязательными или «добровольными». В Западно-Сибирском крае, например, в IV квартале 1932 г. деревня должна была уплатить 78347 тыс. руб. налогов, в том числе 53477 тыс. обязательных (сельхозналог, окладное страхование, самообложение, сельхозкредит) и 24870 тыс. «добровольных» (заем 4-го года пятилетки, вклады в сберкассах, тракторные обязательства, паи потребкооперации). Кроме того, нужно было выполнить планы заготовок сельхозпродукции (зерна, мяса, молока и пр.).

После выполнения всего этого в деревне не оставалось ни продовольствия, ни денег. При этом в массе своей допускалось переобложение. «Вследствие имевших место грубых перегибов при проведении налоговой кампании, – говорилось в одном из документов ОГПУ, – в Ивановской Промышленной области по целому ряду районов у крестьян незаконно описывалось и продавалось с торгов имущество». В одном только Селиванском районе было неправильно обложено в 1932 г. 100 крестьянских хозяйств, отобранное у них имущество было продано по приблизительным подсчетам за 65 тыс. руб. Несмотря на отмену незаконной конфискации имущества, ни имущество, ни деньги крестьянам не были возвращены⁷⁷.

Вопреки утверждениям официальной власти о социальной направленности налогового обложения на практике в 1932–1933 гг. налогами облагалось все крестьянство, более того, повышенными налогами стали облагаться все крестьянские хозяйства, не вступившие в колхозы. А репрессии применялись ко всем недоимщикам, независимо от социальной принадлежности. В Хабаровском районе Дальне-Восточного края за неуплату женой партизана налога в сумме 5 руб. (недоимка) был наложен штраф в 190 руб. Для покрытия штрафа сельсовет конфисковал домашнее имущество. Красный партизан Яценко Т.Д. (Казахстан, Танкерейский район), выступивший против перегибов в налогообложении, был исключен из колхоза (им же организованного), объявлен кулаком и раскулачен.

В Западно-Сибирском крае индивидуальному обложению, как кулацкие, подверглись хозяйства, не имевшие признаков кулацких хозяйств: в Полтавском районе – 57, Завьяловском – 96, Алтайском – 99, Тайгинском – 82, Крапивинском – 60 и т.д.⁷⁸.

Бывших красных партизан, выступавших против перегибов в налогообложении, считали «перерожденцами» и лишали звания красных партизан. Так, в Западно-Сибирском крае при перерегистрации партизан из 25 тыс. оставлено было 9,8 тыс. (39,2%); в ряде районов Крыма

число «вычищенных» партизан доходило до 32%. На Дальнем Востоке 712 человек были лишены звания партизан⁷⁹.

О настроениях красных партизан в связи с репрессиями при проведении хлебозаготовок и других мероприятий Советской власти говорит такой пример. На Северном Кавказе в связи с решением крайкома партии о снятии с работы и отдаче под суд бывших красных партизан секретаря Пролетарского РК ВКП(б), председателя райисполкома и других работников за невыполнение хлебозаготовок председатель Островянского селькоопа – бывший красный партизан, – заявил: «Только контрреволюционер может так строго судить наших людей, особенно бывших красных партизан. И если только наших партизан осудят на 10 лет или к расстрелу, мы посадим коней и поедем освобождать, разнесем всю тюрьму»⁸⁰.

Нажим сверху продолжался, репрессии усиливались. Арестованы были сотни тысяч человек, тысячи расстреляны. Только на Северном Кавказе за ноябрь и 10 дней декабря было арестовано 16864 человека, в том числе 7228 середняков и бедняков, 3130 колхозников, 1896 должностных лиц и т.д.

Состояние страха и неуверенности охватило крестьян. Боясь преследования и репрессий тысячи крестьян бежали в города, на промышленные стройки и в совхозы других районов. Так, по 45 районам Северо-Кавказского края менее чем за месяц (с 15 ноября по 10 декабря 1932 г.) учтено до 5 тыс. единоличных хозяйств, члены которых бежали из родных мест. Только Черноморским оперсектором ОГПУ было задержано 2279 человек, в том числе 196 колхозников.

Таковы были результаты реализации сталинской линии «борьбы не просто за выполнение плана хлебозаготовок», но линии «борьбы с классовым врагом, организовавшим саботаж сева и хлебозаготовок». «Без такого умения обобщить, осмыслить происходящее вокруг мы не смогли бы развернуть свои силы в борьбе с саботажем сева и хлебозаготовок, организованным кулаком», – говорил Каганович в своем докладе на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)⁸¹.

Массированное изъятие продовольственных и денежных ресурсов из деревни, усугубленное неблагоприятными климатическими условиями в ряде районов привели к страшному голоду 1932/33 года.